

Наставница Цзинсинь произнесла:

— Да, старуха пойду сорву пару кочанов пекинской капусты.

Чжоу Хунъюй сказала:

— Позвольте ученице пойти с вами, можно?

Наставница Цзинсинь ответила:

— Конечно, можно!

Тогда Чжоу Хунъюй второпях отнесла кучу подметенной листвы и выбросила неподалеку, после чего вместе с ней вошла в огород.

Огород был большим, на нем выращивали самые разные овощи, и одна грядка пекинской капусты уже созрела настолько, что ее можно было срывать и есть.

Наставница Цзинсинь опустила корзину, похлопала себя по пояснице и проговорила:

— Эх, стоит состариться, как от меня уже никакого толка, спина вечно ноет и болит...

Чжоу Хунъюй сказала:

— Наставнице понадобилось несколько кочанов пекинской капусты, позвольте ученице сорвать их для вас.

Наставница Цзинсинь ответила:

— Не спеши, вон на той грядке с листовой капустой выросло много сорной травы. Старуха собиралась сегодняшним утром выполоть ее.

Чжоу Хунъюй сказала:

— Тогда ученица поможет вам с прополкой.

Наставница Цзинсинь с улыбкой произнесла:

— А ты не боишься испачкать руки?

Чжоу Хунъюй ответила:

— Не боюсь.

Наставница Цзинсинь спросила:

— Ты ведь пришла уже три дня назад?

Чжоу Хунъюй ответила:

— Да.

Наставница Цзинсинь спросила:

— Привыкла?

Чжоу Хунъюй ответила:

— Привыкла.

Наставница Цзинсинь подошла к краю грядки с листовой капустой, присела на корточки и принялась за прополку, попутно говоря:

— Знает ли твой муж, что ты пришла сюда?

Чжоу Хунъюй ответила:

— Не знает.

Наставница Цзинсинь спросила:

— Скучаешь по дому?

Чжоу Хунъюй ответила:

— Нет, ученица твердо решила уйти в монахини, зачем же мне теперь скучать по дому!

Наставница Цзинсинь сказала:

— Тебе всё же стоит пожить еще несколько дней, а потом уже принимать решение. Должна знать, что ты еще молода, а если останешься здесь жить надолго, придется терпеть изрядные лишения.

Чжоу Хунъюй ответила:

— Ученица совсем не боится лишений.

Наставница Цзинсинь вздохнула:

— Ты только что пришла и еще ничего не понимаешь. На самом деле жить здесь вовсе не так хорошо, как ты думаешь...

Чжоу Хунъюй спросила:

— Что вы имеете в виду?

Наставница Цзинсинь ответила:

— Хоть обитель Будды и считается местом чистым, но нынче и она уже потеряла чистоту!

Чжоу Хунъюй попросила:

— Не могли бы вы, наставница, выразиться яснее?

Наставница Цзинсинь немного подумала, покачала головой и сказала:

— Лучше не говорить. Если та Мать-Ярса услышит, нам снова несдобровать.

Чжоу Хунъюй спросила:

— Кто такая Мать-Ярса?

Наставница Цзинсинь ответила:

— Есть в нашем монастыре одна толстая баба — это и есть Мать-Ярса. Она исполняет обязанности надзирательницы, но власть у нее больше, чем у настоятельницы, даже наша настоятельница ее боится.

Чжоу Хунъюй вспомнила, что в монастыре и вправду была такая толстая баба, и тут же расспросила:

— Почему же ее власть больше, чем у настоятельницы?

Наставница Цзинсинь повертела головой, огляделась по сторонам, а затем тихо произнесла:

— Потому что она человек, присланный Главным отделением!

Чжоу Хунъюй тоже тихо спросила:

— Какое еще Главное отделение?

Наставница Цзинсинь ответила:

— Мы, женщины, что ведем монашескую жизнь, не сбривая волос, изначально создали Общество Сестер. Это Общество Сестер есть повсюду, и сейчас в нем уже около трех-четырех тысяч человек. Изначально это общество было прекрасным, но в последние несколько лет оно изменило своей сути и оказалось под контролем одной женщины. Она и есть спец...

Чжоу Хунъюй спросила:

— Кто она?

Наставница Цзинсинь ответила:

— Та самая женщина, о которой старуха рассказывала тебе вчера. Она в свое время приняла здесь монашеский постриг и стала ученицей настоятельницы Цзинсю, а потом...

Только она это произнесла, как из-за огорода внезапно раздался голос, похожий на расколотый гонг:

— Старшая соученица Цзинсинь, о чем это ты тут болтаешь?

Наставница Цзинсинь испуганно вздрогнула от неожиданности, торопливо поднялась и заискивающе улыбнулась:

— Ни о чем, ни о чем, я просто болтаю с этой сестрицей...

Чжоу Хунъюй подняла взгляд и увидела, что у входа в огород появилась та самая исполняющая

обязанности надзирательницы толстая баба, которую наставница Цзинсинь назвала Матерью-Ярсой. Видно было, как она уперла руки в боки, с лютым выражением на лице свирепо глядя на наставницу Цзинсинь. Сердце Чжоу Хуньюй невольно сжалось, и она тоже поднялась с улыбкой:

— Здравствуйте, наставница.

Толстая баба оттолкнула плетеную калитку огорода, уверенной тяжелой походкой вошла внутрь и свирепо бросила:

— Ты почему не идешь убирать двор, а приперлась сюда?

Чжоу Хуньюй опустила голову и ответила:

— Ученица пришла помочь наставнице Цзинсинь прополоть сорняки...

Толстая баба вытаращила глаза:

— Настоятельница велела тебе убирать монастырь, вот и убирай монастырь, а до остального тебе дела нет!

Чжоу Хуньюй слегка поклонилась:

— Да.

Толстая баба сказала:

— Ты сюда пришла духовной практикой заниматься, а не языками с людьми трепать. Впредь поменьше говори и побольше делай!

Чжоу Хуньюй почтительно произнесла:

— Да, наставница.

Толстая баба приказала:

— Вон отсюда!

Чжоу Хуньюй снова отвесила поклон, подобрала подол и торопливо вышла прочь.

Толстая баба проводила ее взглядом до тех пор, пока та не удалилась, после чего обернулась к наставнице Цзинсинь и свирепо спросила:

— Спрашиваю тебя, о чем вы только что с ней толпали?

Наставница Цзинсинь задрожала от страха:

— Ни... ни о чем. Старуха... старуха спрашивала ее о кое-каких делах дома...

Толстая баба грубо оборвала:

— Смеешь лгать?

Наставница Цзинсинь поспешно заговорила:

— Правда! Правда!

Толстая баба ткнула пальцем в собственное ухо и холодно усмехнулась:

— Думаешь, у твоей матушки уши оглохли?

Наставница Цзинсинь крайне смутилась.

Толстая баба холодно произнесла:

— Говори со мной честно, о чем вы с ней беседовали?

Наставница Цзинсинь замялась и залепетала:

— Старуха всего лишь сказала ей... что у нас есть Общество Сестер, и когда она... официально станет монахиней, то тоже сможет вступить в Общество Сестер. Вот... вот и всё.

Толстая баба спросила:

— Она не расспрашивала, кто настоятельница нашего Главного отделения?

Наставница Цзинсинь ответила:

— Спрашивала, но старуха ей ничего не сказала. Она ведь еще не член Общества Сестер, как

же старуха смела ей рассказывать!

Толстая баба спросила:

— Зачем ты вообще заикнулась ей про наше Общество Сестер?

Наставница Цзинсинь заикаясь произнесла:

— Это... это... это старуха брякнула сдуру...

Толстая баба скомандовала:

— На колени!

У наставницы Цзинсинь тут же брызнули слезы, и она взмолилась:

— Помилуй меня на этот раз! Старуха уже в таком возрасте, как мне снести...

Толстая баба рявкнула:

— На колени!

Наставница Цзинсинь не смела больше возражать и, вся дрожа, опустилась на колени.

Толстая баба суровым тоном произнесла:

— В доме свои законы, в секте свои правила. Ты разгласила тайну нашего Общества, как я могу тебя не наказать? Простой на коленях целый час, а потом вставай!

Сказав это, ее дородная фигура качнулась, и она широким шагом вышла из огорода.

Она направилась прямо в келью настоятельницы монахини Юаньцзюэ и яростно выпалила:

— Старшая соученица Юаньцзюэ, эту Чжоу Хунъюй нельзя оставлять здесь!

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ опешила:

— В чем дело?

Толстая баба заявила:

— Она расспрашивала Цзинсинь о делах нашего Общества Сестер!

Монахиня Юаньцзюэ пристально посмотрела на нее:

— Ох, неужто и впрямь было такое?

Толстая баба сказала:

— Эти два дня я непрерывно следила за ней исподтишка и обнаружила, что она все время норовит поболтать с Цзинсинь. По-моему, эта женщина явно замышляет недоброе, ее нужно непременно выгнать!

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ рассудительно заметила:

— Она хочет с кем-то пообщаться, в этом нет ничего дурного. Ты можешь точно утверждать, что она действительно расспрашивала об Обществе Сестер?

Толстая баба ответила:

— Несомненно!

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ произнесла:

— Боюсь, старшая соученица Цзинсинь сама первой заговорила об этом? Ты же знаешь, старшая соученица Цзинсинь любит поболтать, она, наверное, посчитала, что Общество Сестер вовсе не какая-то тайна, вот и рассказала ей.

Толстая баба бросила:

— Я уже заставила ее стоять на коленях в огороде!

Лицо монахини Юаньцзюэ изменилось в лице:

— Ты ее снова наказала? Эх, она ведь уже в преклонных годах, к тому же одна из основательниц нашей обители, как же можно постоянно ее наказывать?

Толстая баба возразила:



— Она слишком болтлива, ее нельзя не наказать!

Юаньцзюэ попросила:

— Ради меня, прости ее?

Толстая баба ответила:

— Нельзя. Если хорошенько ее не наказать, она и дальше будет болтать повсюду.

Юаньцзюэ вздохнула:

— Но ведь нашему Обществу Сестер уже несколько десятков лет, на улице о нем знает уже немало людей, это давно уже не секрет.

Толстая баба сказала:

— Сейчас обстоятельства иные.

Юаньцзюэ спросила:

— Что же тут иного? Мы ведь не творим зла. Когда мы только создавали это Общество Сестер, то делали это лишь потому, что судьба у всех нас была горькой, а потому мы объединились как сестры, чтобы утешать друг друга, и никаких иных целей не преследовали.

Толстая баба холодно усмехнулась:

— Но ты же знаешь, нынешнее Общество Сестер — это уже совсем не то Общество Сестер, что прежде!

Монахиня Юаньцзюэ сложила руки на груди и тихо произнесла имя Будды, не став продолжать.

Толстая баба произнесла:

— Я хочу выгнать Чжоу Хуньюй. Что соученица думает на этот счет?

Юаньцзюэ ответила:

— Мне кажется, она работает очень усердно, к тому же женщина она несчастной судьбы...

Толстая баба перебила ее:

— Зато она мне не симпатична!

Монахиня Юаньцзюэ легко вздохнула:

— Хорошо. Пойди и скажи ей, мол, ее мирские узы еще не оборвались, так что в монахини ей идти не стоит, и попроси отправиться куда-нибудь в другое место.

Хуа Юньсян тихо лежал на кровати и читал книгу.

Это были покои для гостей на постоялом дворе, находившемся всего в пятидесяти ли от горы Лушань. Он проживал в этой гостинице уже три дня, и за эти три дня, помимо редких прогулок на улицу поглазеть по сторонам, он большую часть времени лежал на постели, читая Книгу гор и морей.

Сейчас наступил полдень, он почувствовал, что веки постепенно тяжелеют и хочется спать, поэтому отложил Книгу гор и морей и закрыл глаза.

В этот самый момент за дверью раздался стук.

Он спросил с закрытыми глазами:

— Кто там?

Женский голос из-за двери ответил:

— Чжоу Хуньюй.

Дух Хуа Юньсяна мгновенно воспрянул, сонливость испарилась без следа. Он кубарем скатился с кровати, поспешил отворить дверь и с улыбкой обратился к стоявшей на пороге Чжоу Хуньюй:

— Ты вернулась!

Чжоу Хуньюй шагнула в комнату, окинула взглядом обстановку и произнесла:

— А тебе неплохо живется!

Хуа Юньсян с улыбкой ответил:

— Ничего хорошего, эти три дня были просто смертельно скучными.

Он затворил дверь, налил чашку чаю, протянул ей и с улыбкой продолжил:

— На этот раз ты потрудилась на славу, каков улов?

Чжоу Хуньюй ответила:

— Пополам успеха и неудач.

Хуа Юньсян удивился:

— Что ты имеешь в виду?

Чжоу Хуньюй ответила:

— Позволь мне сначала умыться, а уж потом я все подробно расскажу!

Она подошла к умывальнику, сорвала полотенце для лица, бросила его в таз, зачерпнула воды и умылась. После того как она привела себя в порядок, перед ним вместо Чжоу Хуньюй предстала Ту Сянсян!

Хуа Юньсян спросил:

— Ты поела?

Ту Сянсян ответила:

— Еще нет. Эти три дня сплошная вегетарианская еда, я уже объелась ею до такой степени, что глаза готовы на лоб лезть!

Хуа Юньсян сказал:

— Я пойду велю работнику постоянного двора принести чего-нибудь вкусного.

Он открыл дверь, позвал трактирного слугу, велел ему приготовить лучшие блюда, а затем вернулся в комнату и произнес:

— Луковые лепешки и закуски из восьми сокровищ этого постоянного двора очень вкусны, а еще я заказал для тебя полвинки жареной утки и тушеное мясо в горшочке. Этого достаточно?

Ту Сянсян с улыбкой ответила:

— Достаточно! Если те наставницы из Бодхимандлы Пути узнают, что я нарушила мясной пост, то наверняка станут без конца бормотать Амитабха.

Хуа Юньсян спросил:

— Они приняли тебя?

Ту Сянсян ответила:

— Да, я прожила в Бодхимандле Пути два дня, и только сегодня утром меня оттуда выставили.

Хуа Юньсян поинтересовался:

— Как так вышло?

Ту Сянсян надула губки:

— Сказали, мол, мои мирские узы еще не оборвались, я не человек обители Будды, и велели мне катиться на все четыре стороны.

Хуа Юньсян спросил:

— Что же там в конце концов произошло?

Ту Сянсян усмехнулась и лишь тогда пересказала все, что приключилось.

Едва она закончила рассказ, как трактирный слуга вовремя принес заказанную Хуа Юньсяном еду. Дождавшись, пока слуга расставит еду на столе и выйдет из комнаты, она тут же подошла, уселась за стол и спросила:

— А ты будешь есть?

Хуа Юньсян ответил:

— Я уже поел, ешь сама.

Тогда Ту Сянсян взяла палочки для еды и принялась за трапезу.

Хуа Юньсян произнес:

— Судя по твоим словам, эта толстая баба уже раскусила твою личность.

Ту Сянсян, жуя на ходу, ответила:

— Нет! Она лишь слегка сомневалась. Если бы она раскусила мою личность, разве стала бы отпускать меня просто так?

Хуа Юньсян спросил:

— Какое у нее монашеское имя?

Ту Сянсян покачала головой:

— Не знаю. Наставница Цзинсинь за глаза называла ее Матерью-Ярсой, давай и мы звать ее Матерью-Ярсой.

Хуа Юньсян заметил:

— Она наверняка очень важная персона в Обществе Сестер.

Ту Сянсян высказала свое мнение:

— По-моему, дело обстоит так: все двадцать пять старух в Бодхимандле Пути состоят в Обществе Сестер, вот только среди членов общества есть как хорошие, так и дурные, а эта Мать-Ярса относится к числу дурных.

Хуа Юньсян сказал:

— Ты действовала слишком поспешно, вот и вызвала подозрения у Матери-Ярсы, иначе тебе непременно удалось бы выведать, где находится Главное отделение Общества Сестер и кто его настоятельница...

Ту Сянсян ответила:

— И то верно, поначалу все шло как по маслу, поэтому я и потеряла бдительность. Но эта поездка все же принесла плоды: по крайней мере, теперь мы точно знаем, что Чжоу Эрнян действительно передала свое мастерство резьбы какой-то женщине, и эта женщина — нынешняя настоятельница Общества Сестер.

Хуа Юньсян добавил:

— И она же наверняка вырезала те четыре каменные статуи.

Ту Сянсян кивнула:

— Верно.

Хуа Юньсян произнес:

— Теперь мы должны как можно скорее попытаться выяснить адрес Главного отделения Общества Сестер и узнать, что это за женщина.

Ту Сянсян спросила:

— Как же нам за это взяться?

Хуа Юньсян ответил:

— Снова пойти в Бодхимандлу Пути!

Ту Сянсян покачала головой:

— Не выйдет. Они уже подозревают нас, разве станут они снова делиться чем-то об Обществе Сестер?

Хуа Юньсян сказал:

— Ты же говорила, что старухи в Бодхимандле Пути бывают хорошими и плохими, верно?

Ту Сянсян протянула:

— М-м, и что ты задумал?

Хуа Юньсян спросил:

— Ты знаешь, в какой комнате спит наставница Цзинсинь?

Ту Сянсян ответила:

— Знаю, с ней в одной комнате спит еще одна наставница.

Хуа Юньсян предложил:

— Тогда этой ночью мы тихонько проникнем в монастырь и повидаемся с ней. Поскольку она не питает теплых чувств к Обществу Сестер, да к тому же была наказана Матерью-Ярсой, у нее наверняка затаилась обида. Если ты проберешься к ней и расспросишь, она непременно выложит тебе всё.

Ту Сянсян спросила:

— А если она откажется?

Хуа Юньсян ответил:

— Слегка припугнем — и тогда заговорит.

Ту Сянсян сказала:

— Ладно, давай сегодня ночью попытаемся. А если не выйдет, просто усмирим эту Мать-Ярсу силой и заставим ее выложить все как на духу.

<http://bllate.org/book/19517/1913841>